

Светлана Демидова

Девушки
выбирают
героев

русский любовный
роман

Светлана Демидова

Девушки выбирают героев

«Автор»

2006

Демидова С.

Девушки выбирают героев / С. Демидова — «Автор», 2006

ISBN 978-5-699-16841-5

Женя купила супругу в подарок ко Дню влюбленных шкокладную птицу счастья – некий символ их любви. Но случайно расколола его. И вскоре семейная жизнь тоже дала трещину... Женя встретила другого – того, кого любила с самого детства. Он, правда, успел побывать мужем ее старинной подруги. Что делать? Разводиться или сохранять отношения в тайне? Пока Женя размышляла, события, развернувшиеся вокург нее, затмили бы сюжет любого телесериала...

ISBN 978-5-699-16841-5

© Демидова С., 2006

© Автор, 2006

Светлана Демидова

Девушки выбирают героев

В подарок любимому Колпину, рабочему пригороду Санкт-Петербурга, в котором я прожила всю свою жизнь.

Все события являются вымышленными. Всякие совпадения случайны.

1979 год

– Каждый из вас должен что-нибудь написать на этой открытке, – сказал высокий красивый мальчик лет пятнадцати собравшимся вокруг него шестерым дворовым друзьям разного возраста и пола.

– А что именно? – спросила девочка, скорее всего, пятиклассница, с купым хвостиком, завязанным так высоко на макушке, что скользкие прядки волос, распадаясь во все стороны, напоминали струи маленького фонтанчика. Девочке очень нравился этот красивый мальчик и хотелось написать на открытке что-то ему особенно приятное.

– Я же сказал «что-нибудь», то есть все равно что, – терпеливо объяснял он. – Только надо сделать так, чтобы никто не видел, что ты напишешь.

– Тогда я буду писать последней! – заявила девочка с хвостиком.

– Какая умная нашлась! – ядовито сказал мальчик с пухлыми розовыми щеками и светлой челкой, которая всегда стояла дыбом и не желала укладываться ни на какую сторону. Он каждое утро обильно смачивал свою непослушную челку водой, а потом прижимал ее ко лбу старой зимней кроличьей шапкой, но как только снимал ушанку, упрямые пряди немедленно приподнимались снова и торчали смешным птичьим хохолком. – Каждый захочет написать последним!

– Я первая сказала! – выкрикнула девочка, и глаза ее сразу наполнились слезами, поскольку она понимала, что пухлощекий мальчик ее запросто поборет, ведь он вдвое больше ее размерами и вчетверо сильнее.

– Не ссорьтесь, – по-взрослому устало произнес пятнадцатилетний красавец. – Все очень просто. Смотрите, я сейчас напишу что-нибудь в этом углу, а потом закрою строчки ну... хотя бы вот этой книжкой. – И он взял с полки сборник задач по химии. – Потом напишет следующий и так далее...

– Ага! А ты будешь стоять и читать, что мы пишем? Это неправильно! – сообразила умненькая пятиклассница.

– Даю честное слово, что читать не буду! Но, может быть, кто-нибудь здесь сомневается в моем честном слове?

Разумеется, в его честном слове никто не сомневался. А девочке, которая заподозрила его в том, что он собирается за всеми подглядывать, стало стыдно. Она втянула голову в плечи и постаралась прикинуться совсем маленькой и незаметной, но с хвостом-фонтанчиком сделать это было очень непросто.

Пятнадцатилетний командир, отвернувшись от друзей, что-то написал в уголке открытки, закрыл слова задачиком и протянул ручку юной девушке примерно одного с ним возраста. У нее были чудесная пушистая коса, небрежно заброшенная набок, и маленький извилистый розовый шрамик на щеке, который не только не портил ее, а даже, наоборот, придавал ей некую загадочность. Пятиклассница с фонтанчиком на голове очень завидовала этому ее шрамику и мечтала завести себе точь-в-точь такой же, только не знала, как это сделать. Когда она прошлым летом падала с велосипеда, то специально постаралась задеть лицом какую-нибудь его острую часть и даже довольно-таки глубоко оцарапала щеку. Но царапина,

к великому ее сожалению, к осени исчезла совершенно бесследно, не оставив после себя даже самой маленькой вмятинки.

Девушка с косой и шрамом тоже что-то быстро написала, на всякий случай закрывшись ладошкой, и сдвинула учебник на свой текст.

После нее к открытке приложился мальчик с пухлыми щеками, потом смешная голенастая взлохмаченная девчонка неопределенного возраста, потом еще один мальчик лет двенадцати, тихий, интеллигентного вида, в очках. Пятикласснице, которая чуть не расплакалась зря, как раз и досталась последняя очередь. Она немножко подумала, покусала кончик ручки и тоже кое-что быстренько нацарапала.

Красивый паренек, в квартире которого все это происходило, быстро перевернул открытку на другую, ярко-голубую сторону, где была изображена красная восьмерка, бокастая и веселая, олицетворяющая собой международный праздник – Женский день. На самом деле на дворе уже вовсю буйно цвел май, и восьмерка на открытке не значила ровным счетом ничего.

Мальчик взял ножницы и, стараясь смотреть только на бокастую цифру, неровными кривыми линиями разрезал открытку на шесть частей. Потом он тщательно перетасовал в руке эти части, как тощенькую колоду карт, и выдал каждому из присутствующих по одному кусочку разрезанной открытки.

– Только чур сейчас не глядеть, что написано на обороте! – предупредил он. – Прочитаете потом, когда разойдется по домам.

Мальчики сразу засунули свои куски открытки в карманы брюк, девушка с косой убрала в нарядную белую сумочку, которую ей недавно подарили на день рождения. Девчушка неопределенного возраста положила обрезок в растоптанную туфельку, а пятиклассница все вертела в руках свой кусок и не знала, куда его пристроить. У нее не было ни карманов, ни сумочек, а туфли она снимать не хотела, потому что утром не смогла найти чистых гольфов и надела грязноватые и даже слегка продранные. На какой ноге была драная гольфина, она забыла, а потому решила не позориться и туфли не снимать.

Хозяин комнаты, заметив ее мучения, протянул ей журнал «Юность» и предложил положить кусок открытки между его страницами.

– Журнал потом принести? – с надеждой в голосе спросила пятиклассница.

– Не надо. Я его уже весь прочитал. Сдашь после в макулатуру, – безжалостно ответил он. Все немного помолчали, а потом девушка со шрамом спросила:

– А что станем делать, если в двухтысячном году здесь ничего уже не будет?

– Как это не будет? – испугалась пятиклассница. – А куда все денется?

– Снесут.

– Что значит снесут?

– Ну, какая же ты бестолковая! Снесут – значит разрушат.

– А зачем? – забеспокоилась уже и девчушка неопределенного возраста. Она жила в этом доме с самого рождения, и, хотя сейчас переезжала с родителями на новую квартиру, ей все равно было его жаль.

– Разрушат, чтобы построить новый дом, более красивый и комфортабельный, – с достоинством старшей по возрасту объяснила ей девушка со шрамом.

– Я думаю, что эти дома на нашей улице не снесут, – уверенно сказал красавец. – Их еще пленные немцы строили. Есть в них нечто такое... даже не знаю, что именно... Они придают нашему городу своеобразие. Когда их к праздникам красят, то со своими белыми лепными украшениями они очень даже хороши! А наш дом углом вообще как корабль! Еще и с башенкой!

– Зачем же тогда нас всех из него выселяют? – спросил пухлощекий мальчик, безуспешно пытаясь растопыренной пятерней уложить непокорную челку на подходящее ей место.

– Ты что, не слышал: в нашем доме собираются устроить гостиницу. Он же расположен рядом с вокзалом. Гостям города будет очень удобно до него добираться.

– Да какие гости у нашего городка? – усмехнулась девушка со шрамом. – Это ведь пригород! Да еще рабочий! Что у нас, кроме завода, есть интересного? Это не Петродворец, не Пушкин, не Гатчина, а так... какое-то жалкое Колпино... Одно название чего стоит!

– Ничего не жалкое! Колпица – это, между прочим, такая птица вроде журавля. Они раньше в наших местах водились! – возмутился хозяин квартиры и патриот родного города. – А наш Ижорский завод на всю страну знаменит! И в гостинице будут останавливаться командированные на него люди. Они обычно приезжают перенимать у нас опыт.

– Да через столько лет, если хотите знать, – вмешался малолетний интеллигент в очках, – здесь вместо этого немецкого дома построят гостиницу из сплошного стекла и мрамора!

– Даже если и так! Вокзал рядом все равно останется. Автобусное кольцо тоже останется. Мы это место ни с каким другим ни за что не перепутаем!

– Тогда уж, может, лучше на вокзале встретиться? – предложила все та же сообразительная пятиклассница.

– Нет, вокзал – это как-то не того... – поджал губы пухлощекий. – Давайте знаете где?! У памятника Ленину на привокзальной площади! Уж он-то точно никуда не денется!

– А что? Это идея! – подхватила уже почти совсем взрослая девушка со шрамом.

– Предлагаю первую скамейку справа, если стоять лицом к Ленину, – наконец взяла слово девушка с куском открытки в растоптанной туфельке.

Все присутствующие обернулись с вопросительными лицами к своему пятнадцатилетнему предводителю.

Тот для вида немножко подумал и ответил всем на радость:

– Да, пожалуй, можно! Ленина, конечно же, не снесут!

Девушка с косой и шрамом заглянула ему в глаза и спросила:

– Только мне не нравится, что ты придумал встречаться в двухтысячном году. Мне тогда стукнет тридцать семь лет... Совсем старухой буду. Наверно, и смотреть-то будет противно. – При этих словах она перекинула пушистую косу с одного плеча на другое, и все сразу поняли, что она напрашивается на похвалу. Ясно же, что такие красавицы никогда не превращаются в старух. В старух превращаются другие, некрасивые и глупые, вроде Вальки по прозвищу Который Час.

– Ну, это понятно, почему мне хочется встретиться в двухтысячном, – улыбнулся красавец. – Новое же тысячелетие начнется! Все, наверно, будет как-то необычно и здорово! И мы станем совсем-совсем другими! А кто желает встретиться раньше – никто же им не мешает! Новыми адресами мы обменялись. Приходите ко мне на новую квартиру! Я буду только рад! – И он с особым значением посмотрел на девушку с косой.

Она потупила длинные ресницы и даже слегка покраснела.

Пятиклассница, скручивая в руках журнал «Юность», подумала при этом, что ни в какую не придет к нему в гости до двухтысячного года. Она уже подсчитала, что в двухтысячном ей будет тридцать два. Это, конечно, тоже многовато, но получше все-таки, чем тридцать семь. Еще посмотрим, кто окажется красивей! Вот ее собственной родной тете Маргарите уже тридцать четыре, а она такая красавица, что глаз не оторвать! А Зинаиде – соседке по коммунальной квартире, из которой они наконец выезжают, – всего тридцать шесть, так на нее же смотреть невозможно. Нос фиолетовый, глаза заплывшие, а на голове вместо волос вообще мох какой-то растет!

– А почему тогда не в новогоднюю ночь? – опять спросила девушка с косой.

– Боюсь, потеряемся! В ночь двухтысячного наверняка весь город на улицу высылет. Так что лучше, как договорились, – в мой день рождения, четырнадцатого февраля! Будет сразу три повода для праздника: мое тридцатилетие, новый век и наша встреча!

Когда все уже собрались расходиться по домам, пятнадцатилетний красавец крикнул:
– Не забудьте только свои части открыток! Мы наверняка так изменимся, что только по этим кусочкам и сможем узнать друг друга. Вот увидите, как интересно будет их сложить и прочитать, о чем мы думали много-много лет назад!

Войдя в свой подъезд, пятиклассница мгновенно взлетела на второй этаж и вытряхнула на подоконник из журнала свой кусочек открытки. Ей достались прищуренные глаза веселой красной восьмерки. Это хорошо. Самый красивый мальчик из их дома как раз начинал писать сверху. Сейчас она узнает, что он там сочинил. Жаль, что обрезано косо. Могло не все поместиться.

Девочка с трепетом перевернула кусок открытки. На другой его стороне было написано: «Я тебя всегда...», – а рядом, уже другим почерком и слегка наискосок, два слова: «...точно никто...»

Про первую часть все понятно. Конечно же, это предназначено девочке со шрамиком. Наверняка что-то вроде: «Я тебя всегда буду любить!» Обидно, конечно, но, как говорится в русских народных сказках, делать нечего. Пятиклассница печально шмыгнула носиком и задумалась о других словах, которые прочла. Что означает «точно никто»? Ни за что не догадаешься. Вроде бы второй писала красавица с чудесным шрамиком, а может, и нет. Почему-то это вылетело у пятиклассницы из головы. А почерка друзей девочка не знала. Они все учились в разных классах. Дружили во дворе. Почему они сбились такой странной разновозрастной компанией, теперь уж и не вспомнишь. Как-то само собой получилось. Конечно, иногда старшие отбивались от младших, что вполне объяснимо. Но все шестеро обожали играть в самые что ни на есть детские игры типа прятки, казаков-разбойников, в штандер, ромбы и «Море волнуется раз, море волнуется два...»

Пятиклашка полистала журнал «Юность» и аккуратно отщипнула от одной из его страниц нарисованную девушку с волосами в виде тонких веточек с овальными листочками. Потом она сползла с подоконника, сбегала домой, вытащила из портфеля сиреневую фольгу, которую ей подарила месяц назад соседка по парте Ольга, голубоватое стекло от разбитой молочной бутылки и галопом понеслась на привокзальную площадь, где на гранитном цоколе стоял знакомый до последней складки развевающегося пиджака Владимир Ильич Ленин.

Девочка осмотрелась вокруг, не заметила ничего опасного и тихонько забралась в самую глубь кустов, которые сейчас только-только начинали расцветать мелкими розовыми цветочками. Вместо них летом повиснут оранжевые прозрачные гроздья ягод. Все ребята во дворе называли их волчьими и никогда не ели.

Пятиклассница плюхнулась на газон прямо на колени и, как кошка лапками, быстро заработала обеими руками. Она вырыла под особо толстым стволиком куста приличную по глубине ямку и аккуратно расстелила на ее дне сиреневую фольгу. На фольгу в самом центре положила рисованный портрет девушки с листиками на голове из журнала «Юность». Чтобы не так противно выделялись рваные края портрета, девочка сорвала с куста несколько кисточек розовых цветочных бутончиков и красиво укрыла ими переход от листа к фольге. Потом протерла подолом платья выпуклое стекло от молочной бутылки и закрыла им все уложенное в ямку. Фольга, конечно, сразу же несколько смялась, а лицо девушки на портрете смешно исказилось, но, в общем, все равно получилось очень красиво. Пятиклассница зарыла свой «секрет», тщательно утрамбовала землю, засыпала сухой, похожей на пыль землей газона, на котором пока лишь кое-где кустилась свежая травка, и поднялась на ноги. Так, теперь надо запомнить место... Впрочем, это легко. «Секрет» находится как раз напротив Ленина, с другой стороны были двери столовой, а до конца линии кустов ровно три шага.

Наши дни

Игоря разбудил будильник. Он прихлопнул его рукой и опять уткнулся в подушку. Нет, пожалуй, рисковать не стоит. Он уже два раза так просыпал. Парень привстал, взял со стола очки с очень толстыми стеклами, в такой же толстой отвратительной оправе, водрузил это сооружение на нос и посмотрел на часы. 07.15. Пора вставать.

В трусах и футболке он прошлепал в ванную, по пути кивнув матери и отцу, которые уже завтракали на кухне. В ванной Игорь глянул на себя в зеркало и гадливо поморщился. Ну и рожа! На носу просто два телескопа!

– Отчего такое кислое лицо? – спросил отец, когда сын шлепнулся на табуретку в кухне.

– Спать охота, – пробурчал Игорь и с мрачным видом откусил кусок бутерброда, заботливо положенного ему на тарелку матерью.

– Так можно и День влюбленных проспять, – прошептала она и нежно поцеловала мужа в щеку.

– Какая пошлость, – еще мрачнее буркнул сын. – Восьмого марта им мало!

– «Им» – это кому? – с усмешкой спросил отец.

– Всем нашим! Рос-си-я-нам! Ничего сами придумать не могут! Европейцы хреновы! Праздновали бы, к примеру, какой-нибудь день Ивана Купалы! Так нет! Монаха Валентина им подавай! Католики православные!

– Да-а-а... Нынче мы здорово не в духе, – констатировал отец. – Явно не с той ноги встали. – Повернув улыбающееся лицо к жене, он обратился к ней: – Ну а я, дорогая моя, как самый типичный «хренов европеец», тебя очень люблю и поздравляю с днем только что всеу упомянутого монаха! Пока лишь словесно! Но вечером... – Он склонился к уху жены и, лукаво поглядывая на сына, довольно громко прошептал: – Ты получишь вещественные доказательства моей преданности. В общем, с тебя – курица-гриль!

* * *

Мать Игоря, Евгения Яковлевна Краевская, или попросту Женя, проводив мужа на работу, а сына в школу, где он учился в выпускном классе, задумалась. Что же подарить Сергею на Валентинов день? Она точно знала, что вечерним «вещественным доказательством его преданности» станет традиционный горшочек с гиацинтом. С тех пор, как в России вдруг стали праздновать День влюбленных, муж непременно приносил ей в подарок гиацинт. К его чести надо сказать, что каждый раз гиацинты были разного цвета: в прошлом году, например, цветок был нежно-розовым, а в позапрошлом – белым. В этом году, скорее всего, он будет лиловым или фиолетовым, потому что гиацинтов других цветов Женя никогда не видела.

Вообще-то к цветам она относилась неплохо, а ко Дню влюбленных – примерно так же, как сын. Праздник казался ей искусственным и ненатуральным, уместным скорее в кукольном мире Барби или в мультяшном Диснейленде. Все эти шоколадные сердца, надувные шарик на палочках, мягкие зверюшки с надписью на пузе «I love you» почему-то ее раздражали. Но Сергею нравилось праздновать этот кукольный день, и Женя не противилась. Она уже который год брала на четырнадцатое февраля отгул и готовилась к вечернему ужину с такой же тщательностью, как в День защитника Отечества или в дни рождения мужа и сына.

Надо сказать, что сама Женя не отличалась особой изобретательностью по части подарков. В позапрошлом году она подарила мужу туалетную воду, а в прошлом – набор для бритья. Так и не придумав, что подарить Сергею на этот раз, Женя решила, что разберется с этим вопросом прямо у магазинных прилавков.

Она быстро убрала со стола остатки завтрака и, включив радиоприемник, принялась за уборку. Очень скоро она разозлилась на радио, поскольку на всех диапазонах трещали только о Дне святого Валентина, будто больше и поговорить было не о чем. В эфир неслись банальные поздравления, слащавые стишки и слезливые песенки о любви. Женя уже собралась выключить

чить приемник, когда вдруг услышала нечто интересное. Оказывается, в Японии День святого Валентина вообще мужской праздник. Женщины традиционно дарят мужчинам шоколад двух видов: «гири», то есть обязательный для всех и каждого, и «хонмей» – шоколад с преимуществами – подарок самому любимому мужчине. Жене очень понравилось это название – шоколад с преимуществами. Пожалуй, это как раз то, что ей надо. Сергей обожает сладкое, а шоколада сейчас очень большой выбор, так что она закатит ему такие преимущества – японки позавидуют!

Настроение у Жени резко улучшилось, и она довольно быстро закончила уборку. Вообще-то ей никогда не приходилось тратить на нее много времени, поскольку свой дом она любила и не запускала. Единственным захламленным местом сегодня, как и всегда, осталась комната Игоря, но против ее неустроенности она уже давно выработала стойкий иммунитет. После одной особо бурной перебранки по поводу развала и грязи в личных апартаментах сына Женя сказала себе: «Комната Игоря – его крепость» – и больше никогда в нее не лезла. Сын оценил материнскую жертву и, кроме своей комнаты, нигде ничего не разбрасывал.

Напевая привязавшуюся после прослушивания радио ненавистную слезливую старую песню «Яблони в цвету-у-у – како-о-е чу-у-удо, яблони в цвету-у-у – я не забуду...», Женя села за стол, вывалила перед собой косметику из нарядной косметички и придирчиво оглядела себя в настольное зеркало. В свои тридцать семь она выглядела очень хорошо. Так, по крайней мере, ей казалось. У нее было матовое смуглое лицо, которое почти не требовало тонального крема или пудры. Ресницы тоже можно не красить, такие они длинные и густые.

Игорь унаследовал Женины красивые карие глаза, только почему-то у него было такое плохое зрение, хоть плачь. Сыну всего семнадцать, а близорукость на одном глазу минус шесть, на другом – аж минус восемь. Конечно, в связи с этим можно не беспокоиться об армии, но о зрении они тревожатся постоянно. На лето уже назначена операция, которая, есть надежда, не позволит близорукости развиваться дальше, а пока Игорь изнасиловал их с Сергеем на линзы, хотя врач их не рекомендовал. Но сына можно понять: за стеклами сильных очков его красивые глаза плавают, как жалкие маленькие коричневые рыбки. Понятно же, ему хочется нравиться девушкам, но с такими очками...

Ладно, сегодня надо думать о хорошем. Все-таки какой-никакой, а праздник. Женя достала тушь и сделала ресницы еще более длинными, получив, как и было обещано на упаковке, эффект звездных глаз. На губах ей тоже удалось получить особый эффект – мокрого блеска. Женя свернула в узел длинные темные волосы, улыбнулась своему отражению в зеркале и отправилась в коридор одеваться для похода за курицей и прочими вкусностями к вечерним посиделкам с Сергеем. На сегодняшний вечер их приглашали к себе приятели, но они любили праздновать вдвоем. Им никогда не было скучно друг с другом, а в гостях они оба томились и считали минуты до того момента, когда прилично будет уйти домой.

* * *

Игорь шел по коридору школы с самым скептическим выражением лица, то и дело поправляя съезжающие на кончик носа тяжелые очки. Повсюду были развешаны воздушные шары, на стены наклеены красные и розовые сердечки и нарядные стенгазеты. Во всех углах шушукались празднично одетые девчонки. В руках у многих он увидел разного размера открытки все с теми же сердечками.

Он зашел в кабинет математики, где у них должен был состояться первый урок. Все стены тоже пестрили сердцами, а девчонки, в одиночку и скучившись, всюду писали «валентинки». По пути к своему месту Игорь пожал руки нескольким парням и уселся наблюдать за всеобщим оживлением.

Через некоторое время в класс влетели Серега Степанов и Валерка Кравцов с весьма заговорщицкими лицами.

– Прошу минуточку внимания! – тоном заправского шоумена заявил Валерка. – Серега! Доставай!

Степанов вытащил из большого пакета старинный, слегка погнутый жестяной почтовый ящик, выкрашенный в отвратительный темно-зеленый цвет, а Валерка провозгласил:

– Это для «валентинок»!

Конец его немудреной фразы потонул в оглушительном девчоночьем визге.

– Не надо оваций! – остановил их жестом Остапа Бендера Кравцов. – Вот видите? – Он достал из кармана ключик, которым запирал нижнюю крышку ящика. – До конца дня никто ничего не сможет достать! А после физры – милости просим всех сюда за почтой!

– Это что же получится? Мы до конца уроков не получим ни одной «валентинки»? – расстроилась Таня Казакова. – Так неинтересно!

– Тебе, Танька, пару штук обязательно сунут прямо в белы ручки твои поклонники из одиннадцатого «Б»! Но и нашим не возбраняется запихивать девчонкам «валентинки» в сумки и тетрадки, и даже за шиворот, но почтовый ящик – это же супер! Это клево! Ни у кого в школе такого нет!

Он засунул зеленый ящик в книжную полку, потеснив учебники с геометрическими фигурами, и провозгласил:

– Ну!!! Одноклассники!! Кто размочит счет?

После непродолжительного молчания со своего места поднялась Кристина Кириянова и первой опустила в прорезь ящика «валентинку».

– Yes! Начато! – хором крикнули Валерка с Серегой.

Все зааплодировали, а Серега, убрав с лица дурашливую улыбку, поторопил одноклассников:

– Прошу срочно заняться написанием любовных записок, ибо сегодня это, во-первых, санкционировано педагогами, а во-вторых, – он посмотрел на часы, – у вас на все про все девять минут до звонка. Остальные уроки у нас в других кабинетах. Не таскать же за собой ящик! Так что приступайте, уважаемые, приступайте!

В классе повисла сосредоточенная тишина, поскольку все занялись записками. Игорь с независимым лицом раскрыл тетрадь по алгебре, посмотрел на последний пример, поменял в одном месте минус на плюс, зачеркнул ответ и написал рядом другой. Потом осторожно скопил глаза на сидящую сбоку от него Кристину Кириянову. Она, опустив голову к очередной «валентинке», улыбалась тому, о чем писала. Игорь скользнул взглядом по ее гладко зачесанному и завязанному в хвост на затылке волосам, по нежному профилю, остановил его на глубоком вырезе яркой кофточки и отвел глаза. Он покрутил в пальцах ручку, а потом прямо в тетради напротив домашней работы написал: «Ты мне нравишься», – затем зачеркнул это двумя жирными чертами и вывел чуть ниже: «Я тебя люблю». После снова зачеркнул написанное, раздраженно и зло, и опять повторил: «Ты мне нравишься». Еле двигая рукой, чтобы никто не видел, он, смяв тетрадный лист, оторвал от него свою записку, закрутил ее трубочкой, примял, чтобы не разворачивалась, и надписал сверху: «Кирияновой К.».

* * *

А с Кирияновой К. в это время разговаривала Таня Казакова.

– Ну и кому ты пишешь? – спросила она подругу.

– А то ты не знаешь! – ответила Кристина.

– Герману?

– Танька, отстань! Ты в курсе моих дел!

Казакова огляделась вокруг и наткнулась взглядом на Игоря, который тут же отвернулся к окну.

– А этот все смотрит и смотрит!

– Кто?

– Краевский. Он как-нибудь подожжет тебя своими биноклями. Это же не очки! Это натуральный гиперголоид инженера Гарина!

– Отнеси лучше «валентинки» в ящик, – попросила подругу Кристина, никак не прореагировав на «гиперголоид». – А то мне как-то неудобно второй раз.

– Да запросто! Только давай сначала над Краевским приколемся.

– Как?

– Напишем ему душераздирающее письмо про любовь.

– Зачем?

– Для юмора! Скучно ведь!

– У меня уже ни одной «валентинки» не осталось.

– У меня тоже, но тем лучше! Напишем ему на листке и закапаем слезами!

– Ты, что ли, будешь над письмом рыдать?

– Вон на окне лейка стоит!

– Знаешь, Танька, сама пиши, если тебе охота.

– Ну и напишу! Хоть посмеемся! – ответила Казакова и склонилась к тетрадке.

* * *

– Кристина! Это опять тебе! – прочитал на записке Серега Степанов, а Кравцов бросил послание в целый ворох других, лежащих на столе перед Кирьяновой.

– А эта кому же... так неразборчиво написано... А! Игорек! Тебе! – Серега передал листок из тетради, сложенный квадратиком, Кравцову, а тот сунул его Краевскому.

Игорь вздрогнул, с опаской посмотрел на письмо и слегка дрожащими пальцами развернул его. Перед глазами оказался довольно большой текст, написанный гелиевой ручкой. Многие буквы расплылись, будто на лист попала вода. Прочитав первую строку, где речь шла о любви, Игорь, не читая дальше, уже без трепета раздраженно смял лист и сунул его в карман. Очень смешно! Думают, его так просто разыграть! Дурехи! Да не родилась еще та, которая сможет его одурачить!

* * *

– Похоже, он не прочитал, – констатировала Таня.

– Ты про что? – оторвалась от вороха записок Кристина.

– Да все про нашего инженера Гарина, про Краевского. Только открыл листок и сразу смял. Я за ним специально следила. Наверно, я все-таки переборщила со слезами. Понимаешь, из лейки неожиданно так полилось...

– Ну и наплевать! Что тебе за дело до этого Краевского?

– Если честно, мне нет до него никакого дела, но что я, зря надрывалась? Хотелось бы иметь результат! Ну да ладно... Наплевать! – Таня пошевелила рукой кучу записок, лежащих возле подруги, и спросила: – Ну, и кто тебе пишет?

– Да... – отмахнулась Кристина. – В основном чушь всякая без подписей; одна явно от Степанова, хотя тоже неподписанная, а три штуки – наверняка от девчонок, потому что злобные и ядовитые.

– А от Герки есть?

– Скорее всего, нет.

– Ну неужели среди этой кучи, – Таня опять пошевелила рукой записки, – нет ничего интересного?

– Представь, ничего! А у тебя?

– Тоже ничего стоящего. Две записки от Кравцова. Он хоть и не подписался и даже почерк пытался изменить, но я уже давно выучила, с какой дурацкой петлей он пишет «б». В общем, скукота! День влюбленных! Ждешь его, как не знаю чего, а толку?!

* * *

В начале двенадцатого Женя вышла из дома. Февральский день был по-весеннему ярким и солнечным, но зима, совершенно не собираясь сдаваться,дохнула молодой женщине в лицо морозно-дымчатым колючим воздухом. Женя зябко поежилась, подняла воротник дубленки, вышла из двора на Тверскую улицу и направилась к торговому дому «Ока», в котором можно было купить абсолютно все, начиная с продуктов и заканчивая мебелью.

Огромная зеркально застекленная двухэтажная «Ока» уже вовсю развернула свою торговлю. Зал был украшен гирляндами разноцветных шаров и обклеен по стенам самыми разнообразными сердцами из цветного картона, фольги и какого-то неизвестного Жене смешного пупырчатого материала. К ее неудовольствию, кроме гипертрофированно огромного числа сердец, торговый зал «Оки» был заполнен еще и большим количеством народа. Православные россияне действительно намеревались праздновать католический День святого Валентина со всей широтой своей славянской души.

К каждому прилавку пришлось постоять в очереди. Женя устала и распарилась в душном торговом зале, так что вынуждена была снять шерстяную вязаную шапку и засунуть ее в пакет рядом с курицей, но, в конце концов, все-таки купила все, что намеревалась. Оставались подарки. Надо было сделать наоборот: сначала купить подарки, а потом – продукты, но теперь уже поздно об этом сокрушаться. Сейчас она выберет Сергею какую-нибудь грандиозную плитку шоколада «с преимуществами» и потащится с кошелками на второй этаж, где продаются промтовары. Там она купит Игорю несколько пар хороших носков. Поскольку праздник он не признает, то это будет и подарок, и не подарок одновременно.

Довольная собственной сообразительностью, Женя встала в очередь в кондитерский отдел. Она присмотрела в витрине шоколадную плитку в виде летящей птицы, завернутую в голубовато-синюю фольгу, и поняла, что это именно то самое, что ей хотелось бы видеть. Сумки с продуктами оттягивали ей руки, по спине текла липкая струйка пота, а мозг работал как компьютер, рассчитывая время: сколько его понадобится на курицу, салаты, душ и новый макияж. По всему выходило, что времени впритык.

От вожделенной шоколадной плитки в виде птицы Женю отделяла всего одна женщина, которая заказала килограмм зефира и полкило трюфелей, когда около прилавка возник мужчина в лоснящейся кожаной куртке и обратился непосредственно к Жене:

– Вы не позволите мне без сдачи купить вон тот вафельный торт?

Женя, которая чувствовала, как по лицу у нее расплываются остатки звездных глаз и мокрого блеска губ, набросилась на мужчину так, будто он хотел отнять у нее ее выстраданную в такой же очереди курицу:

– Без очереди, да? Какой приткий! А совесть-то есть? Мне тоже нужна всего лишь плитка шоколада, а я, между прочим, без очереди не лезу!!

– Я тоже не лезу, – миролюбиво сказал мужчина. – Я просто спросил.

– И нечего спрашивать, – продолжала горячиться Женя. – Я ни за что вас не пущу! Может, кто сзади найдется пожалостливей, только не я. – И она гордо отвернулась от нахала, потому что впереди стоящая женщина уже засовывала в свою сумку зефир и трюфели.

Шоколадная птица оказалась такой блестящей и красивой, что счастливая Женя тут же забыла про нахала, который пытался пролезть без очереди, бережно засунула подарок в сумочку, висящую на плече, и поплелась на второй этаж за носками. Когда она уже спускалась назад по лестнице с тремя парами элегантных носков (Женя решила одну приложить к шоколаду «с преимуществом»), ей неожиданно вспомнился мужчина, которого она отчитала и не дала купить торт. Почему-то вдруг ей стало стыдно. И чего она на него вызверилась? Она сама совсем недавно так же просила разрешения у очереди купить без сдачи пачку чая, поскольку дома не было ни чайники. И люди в очереди оказались хорошие. Добрые. Никто не кричал на нее, как она сегодня на мужчину, и все как один позволили купить ей чай.

Надо же, как легко испортить себе настроение! Тот незнакомец про злобную Женю, наверно, и думать уже забыл, потому что купил себе торт в другом, более приятном месте, а у нее теперь на душе осадок. Праздник ведь, а она разоралась, как базарная баба.

Женя пристроила свои сумки на конец прилавка с макаронными изделиями, вытащила из-под курицы изрядно помятую серую шапочку, встряхнула ее, надвинула на глаза, тяжело вздохнула и пошла к выходу из магазина. Черт возьми! Как на душе отвратительно! Поскорей бы забыть этот неприятный инцидент!

Женя вышла на улицу и зажмурилась от солнечного света. Нет! Решительно ничто ее не радует! Даже яркое солнце в феврале! Она подошла к лестнице крыльца и, ослепленная снежным блеском, сделала неверный шаг. Женя летела вниз по ступенькам торгового центра и думала о том, что так ей и надо. Она этим падением сейчас расплатится за свой грех с тортом, и дальше все пойдет хорошо. С надвинутой чуть ли не на пол-лица шапочкой она уже сидела на снегу и шарилась вокруг себя в поисках самого важного, а именно: сумочки с деньгами, ключами от квартиры и с шоколадной птицей «с преимуществами», когда ей протянул руку мужчина.

– Не надо сидеть на снегу, – сказал он. – Встать можете? – И, не дожидаясь ответа, предложил: – Давайте попробуем! Обопритесь на меня!

«Есть же еще джентльмены в наше время», – подумала Женя, оперлась о предложенную руку и встала.

В правой коленке и в боку довольно сильно саднило, но сосредоточиться на этом она не смогла, потому что держалась за руку того самого мужчины, которому не позволила купить торт.

– Ну как? – участливо спросил он.

Женю окончательно парализовало, когда она наконец разглядела незнакомца при свете дня. Там, у прилавка, она толком и не смотрела ему в лицо. Она сразу раздражилась его «наглой» просьбой, уверенным голосом, слишком новой хрустящей курткой и сознательно отворачивалась от него. Теперь она четко видела, что это был ОН, тот самый, о котором она...

– Извини...те меня, – пролепетала Женя, поправляя шапочку, а заботливые прохожие уже подавали ей сумку, пакеты и рассыпавшиеся продукты.

– Что за ерунду вы говорите? – смущенно улыбнулся мужчина. – В чем вы передо мной провинились?

Женя поняла, что он не узнал в ней хамку из очереди, потому что у прилавка кондитерского отдела она стояла без шапки, а сейчас эта шапка самым отвратительным образом лезла ей на нос, сколько она ни пыталась ее поправить. Узел волос на затылке раскрутился, и держаться головному убору было не на чем.

– Я... я не позволила вам купить вафельный торт... да еще и без сдачи... простите... – жалобно продолжила Женя. – Не знаю, что на меня нашло. Там, – и она махнула рукой в сторону входа в торговый комплекс, – было так душно.

– Бросьте, – опять улыбнулся он. – Я все понимаю. К тому же торт я все-таки купил. – И он показал на коробку, выглядывающую из-за пазухи.

– Тетенька, возьмите, – раздался откуда-то снизу детский голосок.

Женя обернулась. Выскочившую из пакета курицу крепко держал за ногу мальчишка лет семи.

– Спасибо, – слабо улыбнулась ему Женя, перекинула все пакеты в одну руку, другой, освободившейся, схватила за скользкую ногу свой будущий праздничный ужин и опять подняла глаза на НЕГО.

– Идти-то можете? – спросил мужчина. – А то могу подвезти. Я на машине.

– Да я живу тут... недалеко...

– Ну и что! Все равно пойдемте к машине, подброшу! – И он, не дожидаясь ее согласия, взял в одну руку все пакеты, а другой, поддерживая Женю под локоток, повел ее к бежевому «BMW».

Так и держа за ногу курицу, Женя послушно шла за ним. Когда они уже уселись в салон машины и бедная битая птица была упакована подобающим образом, мужчина весело спросил:

– Ну! Вам куда?

Женя наконец вышла из ступора и вместо ответа спросила сама:

– Вы... вы Александр?

Он бросил руль, на который уже положил руки, повернул к ней все такое же веселое лицо и согласился:

– Александр!

– Вы... Саша Ермоленко, да?

Улыбка на лице мужчины из веселой превратилась в вопросительную.

– Да... я Ермоленко. И именно Саша. А вы откуда...

– А я Евгения, – перебила она его. – Женя Богданова! Вы меня разве не помните?

Мужчина покачал головой. Она видела, что он силится вспомнить, но это ему никак не удается.

– Я Женя Богданова с улицы Вокзальной, из дома с башенкой, из средней парадной... Ну вспомните, пожалуйста! «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три: на месте фигура замри!»

Ермоленко действительно замер, улыбка сползла с его лица, и он недоверчиво покачал головой.

– Женя? Женька Богданова? Н-не может быть!

– Ну почему же не может! Это я! – Она наконец сдернула с головы сползающую шапку, и тугие волны волос рассыпались по плечам. – У меня, наверно, вся косметика размазалась, – предположила она и повернула к себе зеркальце заднего обзора.

Но ничего не размазалось ни при падении с лестницы, ни в духоте торгового комплекса. Хорошую все-таки последнее время она покупает косметику. И эффект звездных глаз на месте, и даже сексапильный мокрый блеск для губ. Женя подняла все волосы вверх и добилась еще одного эффекта – эффекта детского хвостика-фонтанчика на макушке.

– Не может быть... – повторил Ермоленко. – Женька из двенадцатой квартиры!! Какая же ты... вы... ты...

– Ну конечно же, «ты»! – подсказала ему Женя.

– Ты... Какая же ты стала красавица, – выдохнул он. – Совершенно невозможно узнать.

– Что? Не ожидал, самый красивый мальчик нашего двора? – улыбаясь, спросила Женя, хотя сердце у нее билось весьма учащенно.

– Не ожидал, – повторил за ней самый красивый мальчик и еще раз окинул ее восхищенным взглядом.

Не о таком ли его взгляде мечтала она тогда, когда они, разъезжаясь из коммуналок в новые квартиры, договаривались встретиться в двухтысячном году? Она вспомнила себя на привокзальной площади, в кустах напротив памятника Ленину. Она сидела тогда на коленях на газоне и сооружала «секрет», главной деталью которого была картинка из журнала «Юность»,

который ОН ей подарил. Интересно, осталось ли хоть что-нибудь от этого «секрета»? Наверно, только фольга и бутылочное стекло...

Женя не пришла на привокзальную площадь в условленный день двухтысячного года, потому что и тогда, естественно, была уже замужем и даже не вспомнила о назначенной встрече... а ведь они планировали увидеться как раз четырнадцатого февраля... Надо же! У Ермоленко же сегодня день рождения!

– Саша! У тебя день рождения! – выкрикнула она и всплеснула руками.

– Да, – как-то не очень весело улыбнулся он. – Тогда мы не могли даже подумать, что он через много лет совпадет с днем какого-то монаха.

– Тоже не жалуешь этот праздник?

– Скорее не жалую. Праздную не его, а собственный день рождения.

– Ну... я тебя поздравляю, – смущенно проговорила Женя. – Не знаю, что тебе пожелать, потому что, в общем-то, тебя сегодняшнего я совсем не знаю.

– Да я все тот же, – рассеянно ответил он, и оба они на несколько минут задумались каждый о своем.

...О Саше Ермоленко из прошлого Женя думала довольно часто. Он очень нравился ей тогда, в детстве. Впрочем, он нравился абсолютно всем девчонкам их двора.

Переехав на новую квартиру и перейдя в другую школу, Женя всех мальчиков тогда сравнивала с Сашей, и всегда сравнение оказывалось в пользу Ермоленко. Женя вышла замуж за Сергея Краевского, когда поняла, что красивый мальчик Саша с улицы Вокзальной – несбыточная мечта детства. Фантом. Их городок был очень небольшим, но с того самого дня, как семья Богдановых съехала с Вокзальной, Женя больше ни разу не встретилась с Сашей ни на улице, ни в магазине, ни в каком-нибудь другом общественном месте. Поначалу она тайно от всех ездила на автобусе на улицу Машиностроителей, где получили квартиру родители Ермоленко. В кармане ее куртки всегда лежал смятый и истершийся листочек из тетради в клетку, где четким Сашиним почерком был написан адрес. Позвонить в квартиру Ермоленко Женя так и не посмела, хотя несколько раз поднималась пешком на их десятый этаж. На самой же улице Машиностроителей, возле домов или огромного универсама, она ни разу так и не наткнулась на Сашу, хотя специально подолгу там прогуливалась.

Однажды Женя подговорила свою подругу Ольку съездить с ней на улицу Машиностроителей. Ольке предлагалось позвонить в нужную квартиру и спросить Сашу. Когда он выйдет, она должна была, извинившись, сказать, что ищет не мальчика, а девочку Сашу. Женя при этом из-за трубы мусоропровода посмотрит, каким стал Ермоленко за прошедшее с их последней встречи время, и решит для себя, стоит ли продолжать по нему сохнуть или начать дружить с Аликом Петровым, который уже раз десять предлагал ей свою дружбу.

В квартире, означенной на Женином листочке, Ермоленко не проживали. На Олькин звонок в открывшуюся дверь высыпало целое семейство смуглых черноглазых армян, которые на разные голоса закричали, что у них есть Ашот, Зара, Тамила, Арно и другие, но никаких Саш обоего пола в наличии не имеется. Расстроенная Женя попыталась подружиться с Аликом Петровым, но вскоре поняла, что Ермоленко он ей заменить не сможет, и порвала с ним всякие отношения.

К выпускному классу Саша превратился для Жени Богдановой в одно из самых щемящих воспоминаний детства. У нее по-прежнему учащенно билось сердце, когда ей приходилось проходить мимо старого двора, но она уже понимала, что никогда не сможет вернуться в него девочкой в вечно спущенных гольфах и с хвостиком-фонтанчиком на макушке. Ермоленко не исчез из ее воспоминаний, но она стала относиться к детским страданиям по нему с такой же снисходительностью, как к своей мечте того же периода – стать капитаном дальнего плавания. Она поступила в политехнический институт, тогда еще Ленинградский, встретила на своем

курсе Сергея Краевского и в девятнадцать лет вышла за него замуж. Они родили Игоря и жили втроем душа в душу уже почти восемнадцать лет.

И вот теперь в салоне уважаемой иномарки перед Женей сидела мечта ее детства и отрочества – Саша Ермоленко. Он, как ни странно, за эти годы почти не изменился. Возмужал, конечно, но и только. У него и в пятнадцать лет был такой же ровный пробор на левой стороне головы, такая же зачесанная набок темная челка, белоснежная улыбка, и даже рубашки в то время он тоже носил только светлые. Именно это Женя ему и сказала:

– А ты не изменился. Я тебя узнала бы и у прилавка, если бы удосужилась посмотреть в лицо. Ну, как ты?

– В общем-то нормально, – очнувшись от своих дум, ответил Ермоленко, оглядывая, как ей показалось, жадными глазами ее лицо. – Работаю в Питере, на «Электросиле», начальник лаборатории. А ты?

– Да я тоже нормально, – пожала плечами Женя. – Как после Политеха распределилась на Ижорский завод, так там и работаю.

Они опять немного помолчали, потому что каждому хотелось задать вопрос о личной жизни. Первой рискнула Женя.

– Конечно, ты женат, – утвердительно произнесла она, – и наверняка на Люде Никольской, да?

Женя вспомнила девочку с пушистой косой и тонким шрамом на щеке, которой в детстве всегда завидовала. Она чувствовала, что между Сашей и Людой были тогда какие-то особые отношения, к которым она как мелюзга не допускалась.

– На Люде... Нет, – слишком поспешно ответил Саша. – Мы, конечно, дружили с ней в детстве, да и после... Но ей не нравилось, что она старше меня. Что значит сейчас, в нашем возрасте, разница в какой-то год? Пустяки! А тогда эти триста шестьдесят пять дней, что нас разделяли, представлялись бездной. Ей представлялись... В общем, ничего не вышло у нас с Людой, да и после тоже...

Жене показалось, что Ермоленко сказал об этом с горечью, от которой у него все переворачивалось в груди, и он еле совладал с собой, чтобы не выплеснуть ее на неожиданно встреченную подругу детства.

– До сих пор переживаешь? – спросила Женя.

– Нет, – твердо ответил он, справившись с собой, и, опять улыбнувшись, сказал: – А женат я был, только на другой. И тоже неудачно. В общем, вспоминать об этом совершенно не хочется. Расскажи лучше о себе.

– Ну... Я замужем, у меня прекрасный сын, Игорь. В этом году заканчивает школу, – Женя говорила и говорила о том, как хорошо учится Игорь и какое большое будущее его ждет, о том, какой замечательный у нее муж и как прекрасно сегодня вечером они проведут время, но в голове билась только одна мысль: «Он был женат. Неудачно. Сейчас, скорее всего, холост... скорее всего, холост... холост...»

Нечаянно в поле зрения Жени попала приборная панель, на которой электронные часы показывали уже второй час дня. Она замолчала на полуслове, посмотрела на Сашу и расстроенным голосом сказала:

– Мне же некогда... У меня курица... И вообще, скоро сын из школы придет... Да и у тебя день рождения. Гости, наверно...

– Я все понял. Едем. Куда? – деловым голосом сказал Ермоленко.

– Да тут рядом, на Тверскую. Мы живем в «Авроре»...

– В «Авроре»? Что-то не соображу. Знаешь, я в Колпино вернулся недавно. Что за «Аврора»?

– Ну, так называют огромный дом на Тверской: три высотки, соединенные первым этажом, в котором аптека, книжный магазин, сберкасса, почта. Сообразил?

– А-а-а! Там еще магазин «Строитель»?
– Ну конечно!
– А что? Ваш дом чем-то и в самом деле напоминает крейсер! Русский народ всегда был меток на названия!
– Только наш подъезд со двора.
– Со двора так со двора! – улыбнулся Ермоленко, и машина наконец тронулась.

– Давай помогу донести твои сумки до квартиры, – предложил Саша, когда они доехали.
– Нет-нет, – испугалась она и отчаянно замотала головой.
– Понял, – опять сказал Ермоленко и хотел закрыть дверь машины, но Женя спросила:
– А ты приходил на привокзальную площадь в феврале двухтысячного?
– Приходил.
Женя потопталась возле машины и спросила опять:
– А еще кто-нибудь приходил?
– Да, – все так же односложно ответил Саша.
– А кто?
– Это долгая история, а тебе...
– Некогда... – подсказала Женя.
– И у тебя все хорошо!
– И у меня все хорошо...
– Правда хорошо? – переспросил он, словно заглядывая ей прямо в душу своими темно-серыми глазами.

– Правда... – вдруг севшим голосом ответила Женя и неожиданно для себя спросила: – А кусочек открытки с восьмеркой у тебя остался?
– Остался. А у тебя?
– А у меня нет! – выкрикнула она и скрылась в подъезде.

Александр Ермоленко стукнул кулаком по ни в чем не провинившемуся рулю своего новенького «BMW» и рванул в сторону улицы имени Ижорского Батальона, на которой сейчас жил. Езды было всего несколько минут, поэтому в квартиру он вошел, еще толком не очухавшись от взволновавшего его свидания. На его шее тут же повисла красивая пышноволосая женщина, на правой щеке которой был отчетливо виден маленький розовый шрамик. Он нисколько не портил ее, а скорее придавал определенный шарм.

* * *

Женя пулей влетела в кухню собственной квартиры и, запретив себе думать о Ермоленко, принялась разбирать покупки. От ее падения с лестницы торгового центра они почти не пострадали, кроме самой важной... Шоколадная птица в голубовато-синей фольге раскололась пополам. На месте скола беззащитно белели кусочки орехов и досадливо морщились темные изюмины. Женя уткнулась лицом в погубленный «хонмей» – «шоколад с преимуществами» и разрыдалась самым безутешным образом. Заменить этот подарок на другой она уже не успеет.

* * *

Вернувшись из школы, Игорь Краевский наскоро перекусил макаронами с колбасой, которые сунула ему мать, и уединился в своей комнате. Он достал из кармана джинсов смятое письмо, расправил его на столе, внимательно прочел с начала и до конца и скомкал его снова. Нет! Ерунда! Прикол! Не может быть, чтобы его кто-то полюбил, как написано в этом письме. Он снял очки, покрутил ими перед лицом, сморщился и вздрогнул от телефонного звонка.

Ответом на «алло» Игоря было молчание. Он еще пару раз «поалёкал» в трубку, пожал плечами и бросил ее на рычаг. Телефон зазвонил опять. И опять из трубки доносились только какие-то невнятные шорохи, пощелкивания, и ничего больше. Игорь раздраженно бросил трубку на аппарат, выдернул шнур из розетки и уселся за уроки.

* * *

Несмотря на то что чересчур долго проболтала с Ермоленко, Женя успела и с курицей-гриль, которую так любил Сергей, и с салатом «оливье», без которого русские люди не могут отпраздновать даже День святого Валентина, и с прочими значительными и незначительными закусками. Она приняла душ, заново накрасила лицо и переделалась в недавно купленное к лету шифоновое платье темно-алого цвета, очень простого фасона, но с большим вкусом и шиком отделанное атласными шнурами.

Отравляло ей существование только одно – расколовшаяся пополам шоколадная птица. Сначала Женя хотела выбросить ее в мусоропровод, но потом подумала, что Сергей обидится, если останется без подарка вообще. Что такое какие-то жалкие носки, купленные в качестве приложения?! Они с Сергеем свято блюли традиции своей маленькой семьи. Жене казалось, что сегодня она и так уже что-то нарушила, хотя не могла точно сформулировать, что именно. Придется все-таки показать мужу птицу и рассказать, какой полет вместе с ней она совершила с лестницы. Интересно, а про встречу с Ермоленко стоит рассказывать? Конечно, надо. Она всегда и все рассказывала Сергею. Впрочем, как и он ей. Между ними никогда не было тайн, и не стоит их заводить. Жена, не привыкшая что-то скрывать от мужа, может нечаянно проговориться, и что тогда?

Она походила по кухне в новом нарядном платье, баюкая в руках несчастную шоколадную птицу. А собственно, почему она должна скрывать от мужа встречу с другом детства? Ермоленко же ей не кто иной, как самый настоящий друг детства. Они с ним просто жили в одном дворе, играли в казаков-разбойников и «Море волнуется раз...». Ничего такого в их встрече нет. Подумаешь, один-единственный раз подвез ее до дому! Женя уговаривала себя и понимала, что ни за что и никогда не расскажет Сергею о неожиданной встрече с Сашей Ермоленко.

Как Женя и предполагала, Сергей принес традиционный гиацинт, который сегодня ей почему-то хотелось назвать уже не традиционным, а дежурным. Конечно же, он был лилово-фиолетового цвета! Ну что это, в самом деле, за сюрприз, который никакой не сюрприз! Женя подавила в себе нарастающее раздражение, вспомнив про свой подарок, который был еще хуже. Она ждала в кухне, пока муж умоется и переоденется, вцепившись в обломки шоколадной птицы так крепко, что та начала подтаивать под ее пальцами.

Сергей вошел в кухню в новой рубашке стального цвета, которую Женя ему приготовила для сегодняшнего вечера, и сильно пахнувший американской туалетной водой «Tester». Вода была дорогущая, Женя подарила ее мужу в прошлом году на день рождения. Она вспомнила, как долго перебирала в магазине ароматы, пока не остановилась именно на этом. Сейчас этот запах показался ей приторным до головокружения.

– Ну! Дорогая моя и любимая жена! Еще раз поздравляю тебя с Днем влюбленных! – сказал Сергей, потирая руки в ожидании ее дежурного набора для бритья.

И Женя вдруг заплакала, уронив голову на стол между тарелками, а ломаная подтаявшая птица в этот момент противно оттягивала ей подол.

– Что? Женечка, что? – не на шутку испугался Сергей и подлетел к жене: – Что случилось?

Женя не знала точно, почему плачет, но, протянув ему шоколадные обломки в разодранной фольге, прогундосила:

– Вот смотри, что стало с моим подарком...

Сергей с таким уморительным выражением полного непонимания на лице разглядывал бывшую птицу, что рыдающая Женя не выдержала и фыркнула сквозь слезы. И после этого оказалось так просто рассказать мужу и про то, как она слушала по радио про японский «хонмей», и про то, как выбирала шоколад и как упала с лестницы «Оки». Она ничего не рассказала о Ермоленко, не потому что утаила, а потому что как бы отодвинула сегодняшнюю встречу с Сашей на задворки собственной памяти, туда, где покоились спущенные гольфы, хвостик-фонтанчик на макушке, «секреты» из фольги под бутылочным стеклом, мечты о капитанстве и дальних странствиях. Ничего о ее детской жизни Сергей не знал, и это не было преступлением против него, против их брака.

А потом, когда Женя вытерла слезы и наконец окончательно успокоилась, супруги Краевские крикнули на кухню Игоря, который презирал День влюбленных, но очень любил, как все русские, салат «оливье» и курицу-гриль, как отец. Они пили сладкое красное вино, которое принес Сергей, и даже позволили сыну выпить за их семейное счастье маленький стопарик. Игорь, глотнув вина, сказал: «Как вы можете пить такую дрянь!» – и ушел в свою комнату.

Женя сразу же разволновалась на предмет того, что раз это вино ему дрянь, то он наверняка вовсю уже пьет что-то другое ведрами, а они как дураки наливают ему в маленький наперсточек. Сергей не позволил ей немедленно бежать в комнату сына с разборкой, а усадил к себе на колени и закрыл ее возмущающийся рот поцелуем. И слегка опьяневшая от вина и вкусной еды, расслабившаяся под ласковыми руками мужа, мгновенно забравшимися ей под новое платье, Женя временно забыла о сыне. После длительного поцелуя Сергей потащил ее в спальню, и она не сопротивлялась ничему. Она помогла мужу снять с нее новое платье и колготки, а с крошечными трусиками и бюстгалтером он легко справился сам. Супруги спокойно отдались друг другу, потому что знали: сын ни за что не войдет к ним в спальню, если они уединились.

Жене всегда было хорошо с мужем, но в этот вечер, в самый пиковый запредельный момент перед ее внутренним взором почему-то вдруг возникло лицо Саши Ермоленко, и не пятнадцатилетнего подростка, а того, с кем она сегодня сидела и болтала в машине. От неожиданности она вскрикнула. Сергей закрыл ей рот рукой и самым нежным тоном сказал:

– Вообще-то я балдею, когда ты кричишь в такие моменты, но совесть все-таки надо иметь! Сын-то дома!

Сергей еще раз жарко поцеловал Женю, поспешно оделся и опять бросился в кухню, к небольшому телевизору, подвешенному к стене напротив его любимого места за столом. Сегодня питерский «Зенит» играл с московским «Локомотивом». Пропустить такой матч Сергей Краевский, ярый болельщик «Зенита», не мог. Женя с неудовольствием отметила, что даже секс муж рассчитал по минутам, чтобы успеть к футбольному матчу. И это в День влюбленных, который он так чтит! Женя встала с измятой постели и неожиданно поймала свое отражение в зеркале туалетного столика. Что ж, она действительно еще вполне хороша в свои тридцать семь. Жаль, что ее, такую вот обнаженную и прекрасную, никогда не увидит Ермоленко.

* * *

Кристина Кирьянова готовилась к решительным действиям. День святого Валентина показал, что ждать милостей от судьбы не стоит. Герман Расторгуев приветливо улыбнулся ей пару раз, но дальше этого дело так и не пошло. Записки от него Кристина не получила. Что ж! Придется брать все в свои руки! Уж больно он ей нравится: высокий, стройный, с зеленоватыми глазами под пушистой светло-русой челкой.

Сама Кристина тоже была хороша. Тоненькая, длинноногая, с чистым классическим лицом, к которому идут любые прически: от гладко зачесанных волос с пучком на затылке до завитой в тугие кольца гривы, она нравилась практически всем парням в школе, и любой был бы рад, если бы она обратила на него свой взор. Совершенно не понятно, почему Герман медлит! Она ведь под собственной фамилией написала в «валентинке», что симпатизирует ему и не прочь встретиться с ним в неофициальной обстановке. Почему же он никак не среагировал? Кристина сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться, и решила съездить в торговый центр «Ока», где еще на прошлой неделе присмотрела себе блестящие брючки для дискотек.

Очень довольная покупкой, она шла по второму этажу центра, когда вдруг у стойки с дисками увидела молодую пару, которая стояла обнявшись и разглядывала какой-то диск. Кристина моментально узнала Германа по пушистой светлой шевелюре. Прячась за спинами покупателей, она подошла поближе, чтобы рассмотреть девушку. И что же? Ничего особенного! Черненькая, простенькая. Но Герка смотрел на нее, как на Василису Прекрасную, и даже пару раз прикоснулся губами к ее весьма бледной щеке. Он был так увлечен своей Василисой, что даже не заметил Кристину, которая в обнимку со своими новыми брюками стояла в двух шагах от него. Уязвленная девушка выронила пакет с покупкой и бросилась вон из торгового центра.

Какой ужас! Что же делать? У него есть девчонка, с которой он так по-свойски целуется, а она, Кристина, практически призналась ему в любви в своей «валентинке». Как же он, наверно, смеялся!

Кристина металась по тротуару, не в силах сообразить, в какую сторону ей бежать. Потом заставила себя слегка успокоиться, тряхнула головой и очень быстро пошла куда глаза глядят. Надо что-то делать... Ведь если она сейчас остановится, то непременно умрет прямо посреди улицы. В движении – сила! Около своего дома она не задержалась. Нет! Только не домой! Там придется все время думать об увиденном! Может, лучше к Таньке? Но чем Танька ее утешит? Нет! Не надо к Таньке! Но куда пойти? Что же сделать, чтобы не так болело в груди? Что там Казакова ей все время талдычит про Краевского... Вот! Вот он выход! Кристина развернулась и побежала в обратную сторону.

Дверь квартиры ей открыл сам Игорь. При виде Кристины лицо его дрогнуло и медленно залилось румянцем. Он вопросительно смотрел на нее, натягивая вниз довольно короткую домашнюю майку с футбольным мячом на груди и переминаясь ногами в смешных стоптанных клетчатых тапочках. Кристину слегка передернуло и от этой маечки, и от клетчатых тапок, но она, решительно тряхнув головой, выпалила:

– Можно тебя на пару минут?

Игорь нелепо помялся, поправил свои вечно съезжающие очки и еле слышно ответил:

– С-сейчас переоденусь...

– Нет! Не надо! – Кристина схватила его за руку и вытащила на площадку, поскольку боялась, что, если он уйдет переодеваться, ей опять придется думать о Германе.

Она оглянулась по сторонам и потащила Игоря на верхнюю, последнюю перед чердаком, площадку. Она была очень грязной: заплеванной и засыпанной мусором. Из развернутого зева мусоропровода с оторванной крышкой тянуло гнилью. Под серым от пыли маленьким оконцем стоял замызганный пластиковый контейнер из-под мягкого масла с остатками отвратительной еды для кошек. Кристина прижала Игоря к исписанной маркерами и изрисованной мелом стене и, чуть не плача, спросила:

– Я ведь тебе нравлюсь, не так ли?

Игорь, совершенно сбитый с толку, испуганный и встревоженный, молчал. Кристине это не понравилось, и она, презрительно скривившись, опять спросила:

– Ты трус?

– Просто... неожиданно все как-то, – пробормотал Игорь.

– Так нравлюсь? Нравлюсь? – наступала на него Кристина. – Отвечай!!

– Нравишься, – решился наконец Игорь.

Губы у него подрагивали, крылья носа тоже дрожали.

Кристина подошла к нему совсем близко и сняла с него очки. Игорь зажмурился, потом открыл абсолютно беспомощные глаза, опущенные густыми длинными ресницами. Девушка невольно улыбнулась.

– За твоими биноклями совершенно не видно, какие у тебя глаза, – сказала она.

– Глаза как глаза, – буркнул Игорь.

– Не скажи... Красивые у тебя глаза...

Она бросила очки на пыльный подоконник, приподнялась на цыпочки, положила руки Игорю на плечи и поцеловала его в губы. Игорь окончательно впал в столбняк. Привалась белой майкой к грязной стене, он стоял, не двигаясь, держа руки по швам.

– Да обними же меня, – сказала Кристина и, поскольку Краевский так и не сдвинулся с места, сама положила его руки себе на спину.

И только тогда Игорь наконец сообразил, что от него требуется. Он понял, что, если будет стоять истуканом, Кристина обидится и уйдет. Он обнял ее и поцеловал со всей наконец прорвавшейся страстью. Он целовал ее лицо: глаза, щеки, губы, – хрипло приговаривая, что давно любит ее, что не смел даже и мечтать о таком счастье. Кристина не отвечала ничего, но обнимала его не менее страстно, мстя Герману Расторгуеву за то, что он ею пренебрег. Ее руки скользнули под короткую маечку Игоря. Он вздрогнул, ответно нащупал спину девушки под расстегнутой курткой и понял, что не посмеет приподнять ее джемпер.

Они целовались долго. В подъезде хлопали двери, лязгали замки, нутужно скрежетал лифт, раздавались то лай собаки, то людские голоса: плакал ребенок, бранились мужчина и женщина, а какой-то пьяный старик даже пропел: «Артиллеристы! Сталин дал приказ!» О ноги Кристины и Игоря терлась тощая, замурзанная кошка, очевидно, уже отужинавшая из своего контейнера из-под масла.

Когда на площадке с Игоровой квартирой хлопнула дверь, Кристина отскочила от Краевского и бросилась вниз. Вверх по лестнице к Игорю поднимался сосед в женских тапках с розовой опушкой, в мятой грязноватой футболке, растянутых трениках и с мусорным ведром в руках. Он посмотрел вслед убегающей девушке, прищелкнул языком, подмигнул юноше и сказал:

– Эх! Где мои семнадцать лет?! Хороша девка!

Он вывалил в мусоропровод ведро и, продолжая прищелкивать языком, начал спускаться вниз. Игорь, с совершенно ошалелым и счастливым лицом, так и стоял, привалившись плечом к стене. Возле его ног пристроилась кошка, которой только что из небрежно вываленного помойного ведра перепал весьма приличный огрызок плавленого сырка.

Следующим утром Игорь мигом вскочил с постели, как только услышал звонок будильника. Теперь валяться незачем! Теперь у него началась совершенно другая жизнь! Он счастливо улыбнулся, вспомнив Кристину и ее поцелуи. Надо же! Он любит и ответно любим! Это ли не счастье? Конечно, Кристина ему ничего не говорила о любви, но ведь и так все ясно. Разве можно ТАК целоваться без любви? Просто она девушка и стесняется сразу признаться в своих чувствах. Это все легко объяснимо!

Игорь с приязнью оглядел себя в зеркале ванной. А что? Он не так уж и плох... хотя... как он может это понять, если без очков ничего толком не видит! Он водрузил себе на нос уродливую оправу с тяжелым стеклом и досадливо сморщился. Черт знает что такое! Конечно, в очках он видит абсолютно все, но зато похож на персонаж американского мультлика. Они любят рисовать уродов. Нет! Ну какова Кристина! Она не посмотрела на эти его жуткие диоптрии!

– Ма-а-ам! – гаркнул он из ванной.

– Что случилось? – в дверную щель тут же просунулось встревоженное лицо Жени.

– Мам! Когда наконец будут готовы линзы?

– Фу-у-у... – выдохнула Женя. – Чего разорался? Меня чуть кондратий не хватил! Ты же знаешь, что обещали. – Она пошевелила губами, подсчитывая дни в уме. – Недели через... теперь уже, пожалуй... Точно! Ровно через две недели!

– Неужели мне еще столько времени ходить эдаким уродцем?

– Знаешь, сынок, ты бы не очень на эти линзы рассчитывал. – Женя вздохнула и привалилась к стене ванной.

– Это еще почему? – вскинулся Игорь.

– Не все могут их носить. У некоторых глаза слезятся, краснеют, болят... Вот у нас в отделе Валерия Никитична...

– О-о-о-о!!! – взревел Игорь. – Только не надо примеров из жизни!

В своей комнате он перерыл все полки в шкафу и опять громко крикнул:

– Ма-а-ам! Где мой черный бадлон и серый джемпер?

– Бадлон – в стирке, а где джемпер – не знаю! – в ответ крикнула из кухни Женя. – У себя в шкафу поищи!

– Ну вот всегда так! – раздражился Игорь, хотя сердиться, в общем-то, было не на кого. Синтетический бадлон можно было и самому выстирать в две минуты.

Он постоял посреди комнаты в раздумье, потом отодвинул от стены диван и вытащил из-под него сильно мятый серый джемпер, сокрушенно покачал головой, затолкал джемпер обратно в щель и со злостью припечатал диваном к стене. Потом еще немного подумал, бросил взгляд на часы и присвистнул, поняв, что опаздывает. Он порывлся в наваленных на кресле вещах, вытащил баллончик дезодоранта, попрыскал под мышками, потом, на всякий случай, пшикнул на ноги, после этого пару раз обрызгал себя всего, нацепил свои каждодневные черные джинсы, куртку от спортивного костюма и помчался в школу.

Зайдя в класс, он первым делом отыскал глазами Кристину и, глупо покраснев, улыбнулся ей. Кирьянова в ответ не только не покраснела, но и не улыбнулась. Она посмотрела как-то сквозь Игоря и сразу повернулась к своей подруге Таньке Казаковой.

Краевский не подумал ничего плохого. Мало ли что не улыбнулась! Может, она его проверяет: вдруг он теперь станет вести себя по отношению к ней собственнически? А может быть, ей не хочется, чтобы все было напоказ и все их обсуждали? Это он вполне одобряет. Никому не стоит лезть в их дела. Их отношения – это только их отношения!

За день Игорь еще несколько раз послал Кристине пламенные взгляды, но она реагировала на них так же, как утром: смотрела сквозь или мимо Игоря или отводила глаза. В гардеробе они неожиданно столкнулись лицом к лицу.

– Можно я тебя провожу? – шепнул Краевский.

Кристина, стрельнув глазами по сторонам, удостоверилась, что их никто не видит, и проговорила тоже шепотом, скороговоркой:

– Не провожай! Я сама зайду к тебе часа в четыре.

Дома все время до четырех часов Игорь не мог усидеть на месте, не мог ничем заниматься. Он то пытался делать уроки, то бросался к телевизору, то к зеркалу, то к музыкальному центру, а от него – снова к зеркалу. Около зеркала у него мгновенно портилось настроение, и в конце концов он решил к нему больше не подходить. Он стал читать детектив, но больше страницы осилить не смог. В 15.45 он был уже на таком взводе, что у него дергалось веко левого глаза. Он закрывал глаз, прижимал веко пальцами, но оно все равно дергалось.

В 16.10 наконец раздался долгожданный звонок. Игорь вздрогнул так, что с переносицы слетели очки. Он быстро поднял их с пола, положил на стол и решил не надевать. В своей

квартире он уж как-нибудь сориентируется и без них, да и Кристину ни с кем не перепутает. С ужасом осознав, что он непозволительно долго медлит, Игорь бросился к дверям. На пороге стояла ОНА.

– Заходи, – отвратительно севшим голосом сказал Краевский.

Кристина отрицательно мотнула головой.

– Никого нет дома. Заходи, – повторил Игорь и деревянной рукой сделал приглашающий жест.

Девушка опять несогласно мотнула головой, схватила его за деревянную руку и опять потащила к мусоропроводу, к кошкам и их отвратительному контейнеру, в котором лежал кружок жутко позеленевшей колбасы.

Как только молодые люди оказались друг против друга, они начали целоваться, торопливо, страстно, до тех пор, пока не услышали, как лифт остановился на лестничной клетке, где находилась квартира Игоря. Одноклассники замерли. Через пару секунд на их площадку с мусоропроводом начала подниматься компания подростков самого гнусного уголовного вида с сигаретами в зубах и с бутылками пива наперевес. Кристина змеей выскользнула из объятий Краевского и, ловко прошмыгнув между парнями, заскочила в лифт, который так и стоял с открытыми дверцами. Растерянный Игорь начал медленно спускаться вниз. Без очков лиц парней он толком не видел. Один из них подставил ему ногу, и Краевский, споткнувшись, скатился вниз с последних трех ступенек. Вслед ему раздался богатырский смех молодых идиотов.

Хорошо, что падать пришлось не свысока. Игорь только прикусил губу и слегка разодрал ладонь о торчащую из перил арматуру.

* * *

А дальше для Игоря Краевского потянулся сплошной «день сурка». Утром он кое-как отсиживал уроки. В школе Кристина по-прежнему смотрела мимо него. После занятий он метался по квартире в ожидании Кирьяновой, а потом они до сумасшедшего сердцебиения целовались среди картофельных очисток и кошек, пожирающих отвратительную тухлятину. Через неделю Игорь начал тяготиться обществом кошек, которые после трапезы считали своим долгом обтереть грязные бока об их с Кристиной ноги. Краевского стало раздражать, что его любовь пахнет отбросами, вместо того чтобы благоухать цветами. Он несколько раз предлагал Кристине пойти прогуляться или хотя бы спуститься к ним в квартиру.

– Нет... не хочу... – шептала она между поцелуями. – Хочу, чтобы рядом никого не было. Только ты и я...

– Тут полно мерзких кошек и людей с помойными ведрами, – убеждал он ее тоже между поцелуями. – А дома у меня никого...

– Могут прийти родители.

– Они приходят после шести.

– А вдруг придут раньше?

– У меня своя комната.

– Они могут туда зайти...

– И что? Разве мы делаем что-нибудь плохое?

– Им это не понравится, поверь мне на слово.

И все шло тем же чередом: школа, метание по квартире в ожидании Кристины, а потом поцелуи с привкусом помойки. Однажды Игорь не выдержал:

– Кристина! Я не могу больше так! Ты красивая, нежная, а здесь такое гадкое место. Мы насквозь пропитались запахом кошек и тухлятины. Я не хочу, чтобы наша любовь пахла гнилью!

– Ты понимаешь... – между поцелуями шептала она. – Это же очень романтично, когда необычная обстановка... Так еще ни у кого не было...

– Знаешь, – отстранился от нее Игорь, – пожалуй, и мне тоже такого не надо. Я тебя люблю и не хочу, чтобы чудный запах твоей кожи, твоих волос мешался со стухшей кошачьей едой!

– То есть ты, – Кристина ткнула ему в грудь перламутровым ноготком, – от меня отказываешься?

– Нет! Ну что ты! Ну как ты могла такое подумать! – зачастил Игорь. – Я просто хочу, чтобы мы поменяли место встреч... на какое-нибудь другое. Ну что плохого в моем желании?

– Ладно, я подумаю, – холодно сказала Кристина и, как всегда, быстро сбежала с лестницы.

Вечером того же дня, когда Игорь вдвоем с отцом на кухне пили чай, сын спросил:

– Пап, что ты можешь сказать... о женщине, которая... любит устраивать свидания у помойки?

– Это ты про Тосю, что ли?

Тосей прозывалась соседка Краевских по площадке, жуткая опустившаяся алкоголичка, которая побиралась по помойным бакам, отыскивая там бутылки, жестянки из-под пива и вообще все, что можно хоть как-то приспособить к хозяйству.

– Нет, не про Тосю, – досадливо поморщился Игорь. – Про другую... про нормальную женщину, которая почему-то хочет встречаться только у помойки – и все! Что ты про такую скажешь?

– Скажу, что не очень-то она и нормальная. Лечиться ей надо. А что? – Сергей отставил стакан с недопитым чаем и уставился сыну в глаза: – Тебе какая-то идиотка назначила свидание у помойки?

Игорь затравленно помотал головой, подавился чаем, закашлялся и ушел в свою комнату.

– Чего это ты тут кричал про какую-то помойку? – спросила Женья, войдя в кухню.

– Сядь, – встревоженным голосом сказал Сергей.

Женья торопливо присела на табуретку, с ужасом прошептав:

– Что случилось?

– По-моему, к нашему сыну вяжется какая-то сумасшедшая тетка. Может быть, даже Тося из сто двадцать первой квартиры!

– С чего ты взял? – охнула Женья.

– Он сам сказал... Представляешь, – Сергей понизил голос до шепота, – она назначает ему свидания, ты не поверишь, у помойки.

– У нашей? Во дворе?

– Откуда я знаю?

– Да ну, ерунда какая-то...

– Никакая не ерунда! Он сам меня спросил, как я отношусь к женщинам, которые назначают свидания у мусорных баков?

Женья с шумом выдохнула воздух и хрипло спросила:

– А ты?

– А что я мог ответить? – буркнул Сергей и нервно поскреб ногтем темное пятнышко на столешнице. – Естественно, я сказал, что у нее мозги набекрень.

– А он?

– А он... подавился и ушел...

– И что же теперь делать?

– Откуда я знаю!

Родители помолчали.

- Может быть, выследить их? – предложила Женя, с надеждой взглянув на мужа.
- И что дальше?
- Ну, не знаю... Может, ты дашь ей понять, что наш сын совсем еще мальчик...
- Я??? – изумился Сергей.
- А кто? Я, что ли? – с вызовом ответила Женя.

* * *

Хотя Сергей и согласился следить за Тосей из сто двадцать первой квартиры, Женя и сама бдительности не теряла. Если она слышала, как открывается Тосина дверь, тут же выскакивала на лестницу с миской со специально сохранными для такого случая отходами. Тося, завидев Женю, всегда улыбалась ей синюшным ртом, в котором одна половина зубов отсутствовала, а другая половина была сильно разреженной и гниловатой, как плетень заброшенного деревенского дома. При виде этого рта Женя моментально успокаивалась и с легким сердцем опрокидывала свою миску в мусоропровод в полной уверенности, что заготовка впрок отходов ей больше никогда не понадобится. Ни один нормальный молодой человек, к которым она, разумеется, относилась собственного сына, не может прельститься Тосиным ртом, щеками, изборожденными рытвинами разной глубины, длины и направления, и заплывшими глазами цвета снятой бульонной пены.

Уже дома, тщательно вымыв миску и поставив ее в сушилку, Женя каждый раз заново соображала, что в некоторых случаях (то есть когда очень уж приспичит) некоторые мужчины могут запросто пренебречь лицом, поскольку женские особи, помимо лиц, таят в себе еще очень много для них притягательного. Расстроив себя подобными мыслями, Женя опять доставала заветную миску, ставила ее в нижний шкафчик рядом с мусорным ведром и некоторые отходы снова намеренно бросала в нее.

Однажды за ужином Женя пригвоздила мужа к табурету метким вопросом:

– Ну что, ты выяснил, что у Тоси из сто двадцать первой квартиры с нашим сыном?

– Видишь ли, Женя... – начал Сергей, и она сразу поняла, что он ничего не выяснял. – Я несколько раз дополнительно и очень внимательно рассмотрел нашу Тосю и решил, что поговорился. У Игоря ничего не может быть с этой полубомжихой.

– Да? А почему же он спрашивал про помойку?

– Ну... кто ж его знает? – заерзал на табуретке Сергей. – В его переходном возрасте в голову вполне может лезть всякая ерунда.

– В переходном возрасте? – саркастически переспросила Женя. – Это в семнадцать-то лет?

– Вот именно! В семнадцать! В переходном возрасте от юности к... мужанию!

– Слушай, Серега, а тебе при переходе от юности к мужанию тоже лезли в голову помощные тетки?

– Ой, чего только не лезло, – гаденько, как показалось Жене, ухмыльнулся муж, но тут же осекся и виновато на нее посмотрел. – Ну... в смысле... я хотел сказать, что когда молодо-зелено, то многое простительно...

– То есть ты хочешь сказать, что я вышла замуж за человека, который в юности интересовался подобными тетями тосями с гнилыми зубами?

– Ну не надо все понимать буквально, Женя! – несколько фальшиво возмущился Сергей, понял это и решил от обороны срочно перейти к наступлению: – И вообще! Я же не спрашиваю, кем ты интересовалась до того, как вышла за меня замуж! У каждого, знаешь ли, как сейчас модно говорить, найдется свой скелет в шкафу, то есть подобная тетя Тося, или там дядя Петя, или, может быть, Саша...

Женя вздрогнула. В ее «шкафу» действительно уже несколько недель томился свой скелет, который имел не только имя Саша, но еще даже и фамилию – Ермоленко. Саша Ермоленко – кумир ее детства. Февраль собирался уже плавно перетечь в март, а она все никак не могла забыть встречу с ним в торговом центре «Ока». Ей даже несколько раз снился один и тот же сон: они с Сашей, сидя на коленях на газоне подле памятника Ленину, который вопреки всем новомодным политическим течениям городские власти сохранили на привокзальной площади, выкапывают ее «секрет». Саша поражается, как хорошо он сохранился, радуется этому, как ребенок, а потом они прямо на газоне целуются до полного помутнения рассудка.

Надо сказать, что со времени той памятной встречи Женя гораздо чаще, чем это было нужно, забегала в «Оку», но Ермоленко так больше ей и не встретился. С одной стороны, это было хорошо, потому что плохо, когда замужней женщине снятся посторонние мужчины. Если с ними, с посторонними мужчинами, начать то и дело встречаться в «Оке», то они запросто могут трансформироваться в не посторонних, а очень даже близких, таких, как в повторяющемся сне. С другой стороны, Женя очень хотела увидеть Ермоленко еще раз. Она поняла, что в нынешнем своем виде произвела на него неожиданно большое впечатление, и ей захотелось закрепить успех назло той девочке с пикантным шрамом, которая нравилась Саше, когда они жили на улице Вокзальной.

– Схожу за мясом, – внезапно сказала Женя. – Суп уже кончается, надо варить другой.

Сергей обрадовался, что скользкий разговор о не слишком чистых юношеских увлечениях завершился вдруг мясом для супа, и согласно кивнул, тем более что по телевизору с минуту на минуту должен был начаться очередной футбольный матч. Присутствие жены при этом захватывающем действе вовсе не обязательно и даже, пожалуй, вредно. Она непременно станет мельтешить перед экраном туда-сюда со всякими мисками и поварешками, а это чревато пропуском голевых моментов игры.

Женя зашла в ванную, чтобы подправить косметику. Из овального зеркала на нее глянула молодая красивая женщина, в лице которой ничего не надо было поправлять. Женя послала своему отражению воздушный поцелуй, быстренько оделась и вышла из дома.

На улице, несмотря на минус пять, уже повсюду пахло приближающейся весной. Трудно определить, из чего этот запах складывался. То ли он шел от земли газонов, которые кое-где уже освободились от снега, то ли от юных девушек, снявших шапки и пустивших по ветру свои длинные душистые волосы, то ли его источали деревья, внутри которых за заиндевелой еще корой уже проснулась, бурлила и пенилась жизнь. Кое-где на тротуарах среди снега, натопанного за зиму до цвета и фактуры булыжной мостовой, чернели островки асфальта, чуть подернутые нежной сизой дымкой. Женя с удовольствием процокала по одному из островков каблучками, и у нее защемило сердце от совсем не нового, но всегда волнующего притока знакомых ощущений. Сегодня эти ощущения оказались особенно остры, потому что были связаны со «скелетом» по фамилии Ермоленко и с детством.

Как же они все ждали, когда в их дворе хотя бы частично сойдет снег и на куске асфальта можно будет начертить мелом слегка кривоватый «скачок» с «котлом», «огнем» и «водой»! В художественной литературе эту девчоночью игру непременно называют классиками, а в их дворе расчерченный на квадратики прямоугольник звался именно «скачком», и это было правильнее, потому что по его клеткам скакали: «по-русски» – это если только на одной ноге, и «по-немецки», когда разрешалось периодически опираться и на вторую ногу. Женя долго не умела скакать «по-русски», зато красивее других разрисовывала розовыми и голубыми мелками «домик» в те нечастые случаи, когда ей удавалось его занять. Лучше других, разумеется, скакала и забрасывала «битки» в «котел» Люда Никольская, красивая девочка со шрамом и первая любовь Саши Ермоленко.

Вместе с тонким весенним ароматом Женя будто заново вдохнула запах своего старого двора, засаженного кустами с волчьими ягодами, такими же, как на привокзальной площади, где покоился ее «секрет», и грудь снова полоснула детская ревность к Люде. Вместо соседнего магазина «Веста. 24 часа», куда она честно направлялась за мясом для супа, Женя вдруг резко свернула в противоположную сторону, к Комсомольскому каналу, который тоже никто так и не удосужился переименовать, хотя, например, ее сын Игорь уже очень плохо представлял, кто такие комсомолы.

Перейдя через мост, Женя попала в старую часть города Колпина с домами, построенными пленными немцами в стиле сталинского ампира: с полуколоннами, лепными украшениями, крылечками с чугунными завитками под козырьками и знаменитыми башенками на крышах. Недалеко от вокзала высился пятиэтажный дом с башней и приличной высоты шпилем – одна из главных колпинских достопримечательностей. Во-первых, по своей архитектуре он отдаленно напоминал знаменитое здание Московского университета имени Ломоносова на Воробьевых горах или гостиницы «Украина». Во-вторых, когда жители Колпина по железной дороге возвращались домой из дальних странствий (или из той же Москвы), дом со шпилем всегда приветствовал их огромным флюгером в виде венка колосьев, перевитого лентой, почти точь-в-точь такого же, как на гербе Советского Союза, и даже со звездочкой наверху. При виде этого первого в городе высотного дома со шпилем и флюгером у каждого, даже очень сурового, колпинца увлажнились глаза, теплело в груди, и он чувствовал себя частицей огромного государства, широко и привольно раскинувшегося «от Москвы до самых до окраин...» Особенно душу грело то, что их город окраиной не был! Он был одной из станций, упомянутых в знаменитом путешествии Александра Николаевича Радищева из Петербурга в Москву, о котором радивые учителя рьяно вдавливали в голову каждому российскому школьнику помимо его воли. Справедливости ради стоит заметить, что Радищев в своих записках Колпино никак не обозначил, но и так ясно, что мимо него он обязательно проезжал. Иначе как бы он попал в Тосно, Любань или Чудово?

Поворачивать к дому со шпилем Жене было не нужно. Она быстрым шагом прошла Банковский переулок и, вдруг вновь вообразив себя пятиклассницей в спущенных гольфах и с хвостиком на макушке, лихо перебежала дорогу перед автобусом, выруливающим с привокзальной площади. Внутри арки длинного четырехэтажного дома, за которым, собственно, и находился двор ее детства, Женя остановилась. Пахло кошками и особым банно-мыльным запахом временно складированных во дворе товаров хозяйственного магазина, который по-прежнему существовал на первом этаже дома с аркой. Конечно, она много раз пробегала мимо этой арки и даже заходила в сам хозяйственный магазин, но сегодня знакомые с детства запахи растрожили ее чуть ли не до слез.

А двор, как оказалось, не слишком изменился. Так же тяжело раскачивалось на ветру замерзшее корками белье, прицепленное деревянными остроухими прищепками, кучерявыми пластмассовыми и даже сохранившимися с незапамятных времен – оловянными, антикварно потемневшими. Так же курили и матерились грузчики хозяйственного магазина. Так же урчали подъезжающие к его задним дверям машины. Только вот горки, качели и карусели детской площадки были изготовлены уже не из металла, а из разноцветного веселого пластика. Стены крашенных в желтый и бежевый цвета домов нынешние юные художники-монументалисты изрисовывали уже не мелом, а жирными акриловыми струями красок из баллончиков.

Изогнутый углом дом-корабль, в котором жила Женя со своими друзьями, так и не переделали в гостиницу, только часть первого этажа передали диспетчерской автобусного кольца. В доме теперь жили совсем другие люди. Неужели там по-прежнему коммуналки? Или огромные сталинские квартиры сейчас занимают отдельные счастливые семьи? Женя посмотрела в окно своей бывшей коммунальной кухни. На подоконнике угнездилась девочка лет десяти и

смотрела во двор, совсем как она когда-то сидела, выглядывая из-за чудовищно разросшегося столетника и высматривая, не пройдет ли мимо Саша Ермоленко.

– Женья? – услышала она незнакомый женский голос и вздрогнула. Кто может здесь ее помнить? Женья ни разу не заходила во двор с тех пор, как они переехали в «Аврору» на Тверскую улицу. Вроде и недалеко, но ее, девочку, тогда гораздо больше, чем старый двор, интересовала новая улица Машиностроителей, куда собирался переезжать Саша.

Женья медленно обернулась. Перед ней стояла совершенно незнакомая женщина с худощавым малосимпатичным лицом и напряженно улыбалась.

– Да, я Женья, – сказала она. – А вы... я что-то не припоминаю...

– Ну как же! Я Галя Иванова! – улыбнулась женщина и, почти как сама Женья взрослому Ермоленко, сказала: – Ну-ка вспоминай: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три: на месте фигура замри!»

– Галка! – всплеснула руками Женья. – Не может быть! Ни за что не узнала бы!

– Да... Я выгляжу не очень... столько забот... А ты, наоборот, необыкновенно похорошела. Даже узнать трудно. Если бы ты так долго не смотрела на окно вашей бывшей кухни, то, возможно, я тоже прошла бы мимо тебя. – Она опять улыбнулась и спросила: – Что, тоска по детству замучила?

– Вроде того! – ответно рассмеялась Женья. – А ты, Галка? Ты-то что здесь делаешь?

– Я здесь живу.

– Как? Разве вы не уехали?.. Или ты снова... Ничего не понимаю...

– Слушай, Женька! – взяла ее под руку Галя. – А давай к нам зайдем! Все расскажу. Поболтаем, а? Сто лет ведь не виделись! Время-то у тебя есть?

– Вре-е-мя... – протянула Женья и бесшабашно потрянула головой. – Да найдется у меня время! Только удобно ли? Муж? Дети?

– Ни мужа, ни детей сейчас дома нет, так что никто нам не помешает! Пошли, подруга! – И Галя повела ее к тому же крайнему справа подъезду, в котором жила с самого рождения.

– Галь, так ты что, все в той же квартире живешь? – изумилась Женья, медленно поднимаясь по знакомой лестнице. Стены подъезда, казалось, со времен их детства так и оставались выкрашенными грязно-синей, во многих местах облупившейся краской. Может быть, под одним из подоконников еще сохранилась надпись «Галка + Женька = дружба навеки», которую они в четыре руки нацарапали толстыми и острыми на концах гвоздями, вытасненными из ящиков у хозяйственного магазина? Даже черная с белыми лапками кошка, шмыгнувшая между Жениных ног, до боли напомнила Галкину Стрелку, хотя ею быть уж никак не могла. Кошки так долго не живут. Она и во времена их детства была уже весьма почтенного кошачьего возраста.

– Представь, в той же самой и проживаю, – грустно отозвалась Галя. – Мы ведь в то лето так и не переехали на новую квартиру.

– Как? Почему? Когда мы торжественно прощались у Ермоленко, вроде бы у всех наших родителей уже были ордера!

Женья с таким душевным трепетом произнесла Сашину фамилию, что бросила быстрый взгляд на бывшую подругу: не заметила ли та ее излишнего волнения? Но Галя сосредоточенно рылась в недрах огромной сумки, разыскивая ключ. Все, что для Жени сейчас казалось наполненным особым тайным смыслом, для нее было серой повседневностью.

– Обещали квартиры действительно всем, – сказала Галя и вставила наконец найденный ключ в скважину, – но несколько семей так и не успели их получить к тому моменту, когда наш дом раздумали перестраивать под гостиницу. Выехали почти все. Остались мы, Николаевы и бабка с дедкой Вальки-Который Час. Помнишь ее? Проходи!

– Помню. Я всех помню, – отозвалась Женья и переступила порог огромной сталинской квартиры с высокими потолками и лепными бордюрами.

Раньше у самых дверей, как раз под бордюром, висел зеленый Галкин велосипед «Ласточка» с женской рамой, предмет белой Жениной зависти, и соседская детская ванночка. Теперь ничего не висело. Стены были оклеены современными тисненными обоями с крупными красными и синими цветами. Свою и Женину верхнюю одежду Галя повесила в новомодный зеркальный шкаф-купе, который никак не желал влезать в жалкую прихожую небольшой Жениной квартиры, а в необозримых просторах коридора старого дома смотрелся уютным и компактным.

– Галь, так вам, может, и повезло? – предположила Женя. – Вся квартира вашей семье и досталась? Это ж шикарные апартаменты! В нашей нынешней квартире, например, развернуться негде! А уж гостей принимать – сплошная мука!

– Ага, нам! Как же! Держи карман шире! Единственное, что удалось сделать уже потом, это утрясти вопрос о проживании в квартире двух семей вместо трех. Нам с Вовкой и сыновьями достались две комнаты, а в той, у кухни, где раньше Рябиныны жили, сейчас бездетная семья устроилась. Люди неплохие, не могу пожаловаться. Сосуществуем довольно мирно.

Женя прошла в комнату со стандартной мебельной стенкой и компьютерным столом в углу. Из-за высоких потолков мебель, как и в коридоре, показалась ей неестественно маленьких размеров. На журнальном столике в застекленных рамочках стояло несколько фотографий. На одной круглили щеки и надували губы два одинаковых мальчика лет десяти. Женя улыбнулась, сообразив, что бывшая подруга родила близнецов. На второй...

– Галка! – изумилась Женя, схватив в руки вторую фотографию, свадебную. – Так ты что же... вышла замуж за... – Она побоялась назвать имя, чтобы все-таки не ошибиться. Она не виделась с Вовкой Николаевым с момента отъезда из дома, но у Галкиного жениха на фотографии была точно такая же, как у него, задорно торчащая вверх челка.

– Да, я вышла замуж за Николаева, – просто ответила Галя.

– Но ведь вы, кажется, никогда...

– Женька! Мы последний раз с тобой виделись, когда нам было по тринадцать. Разумеется, тогда еще ничего и не было. А потом как-то... само собой получилось. Из детей нашего дома здесь остались только мы с ним вдвоем. Понаехало, конечно, много других, но такой тесной компании, какая была у нас, больше уже не получилось. А может быть, мы с ним и не хотели никаких других компаний? Нам и вдвоем было неплохо. А потом почувствовали, что стали друг для друга самыми главными. Поженились вот... Двух парней родили. У меня теперь целых три Вовки! И все практически на одно лицо.

Женя еще раз взяла в руки фотографию с Галкиными сыновьями. Она сразу этого не заметила, но теперь видела, что они действительно здорово похожи на Николаева, только челки не торчали вверх светлыми ежиками, а лежали на крутых мальчишеских лбах, как и полагается челкам, прямо и чуть набок. Женя поставила фотографию на место и удивилась тому, что Галка уже успела наметать целый стол всяких закусок.

– Так коммуналка же! Холодильники в комнатах держим, – пояснила она и кивнула в дальний угол, где действительно комфортно расположился высокий современный холодильник.

Поставив на стол баночку оливок, она полезла в отделанный матовым зернистым стеклом шкафчик, вытащила из него початую бутылку армянского коньяка и сказала:

– Вот! С 23 февраля осталось! Дернем за встречу! И за наступающий Женский день!

– Дернем! – весело согласилась Женя, хотя не очень любила крепкие напитки. – Ну и где же твой Николаев? – спросила она, когда они «дернули» и закусили.

– Да на даче! Специально отгул взял. Проверить надо, как там после зимы. А мальчишки в институте. Сказали, что не раньше девяти явятся. Какой-то курсовик у ребят в общежитии будут делать. Оба в Сельхозакадемию поступили, которая в Пушкине. На землеустроительной специальности учатся. Говорят, очень она нынче перспективная.

– Галь, ну а как вообще?

– Что?

– Ну семейная жизнь? Я никак не могу представить тебя с Вовкой. Вы же все время дрались!

– Да это когда было! – рассмеялась Галя, налила еще по одной рюмке коньяка и задумчивым голосом сказала: – Знаешь, Женя, я ни разу не пожалела, что вышла за Николаева замуж. Из меня, видишь, красавицы не получилось, а Вовка меня и такую любит. Представляешь, сыновьям уже по двадцать, а он меня любит!

– Ну, за это стоит выпить! – сказала Женя и чокнулась с Галкой.

– Хотя, конечно, может, ему просто лень, – рассмеялась та.

– Что лень?

– Ну... искать, в кого бы другого влюбиться. Он и в детстве был полноват и не слишком поворотлив, а сейчас – вообще...

– Толстый, что ли?

– Не столько толстый, сколько огромный! Он под два метра ростом! И сыновья в него. Я между ними бегаю, как лилипут в стране Гулливеров. В общем, Женя, у нас все нормально. Из коммуналки, конечно, теперь уж вряд ли выберемся, но особо не переживаем. Дачу вот в Трубниковом Бору построили. У нас там целых двенадцать соток. И дом хороший, теплый. Если что, там можно и зимой жить. И машина есть. «Жигуль», конечно, но мы не гордые. Нам иномарок не надо. В общем, все как у людей. Ну а ты-то как?

И Женя захлеб стала рассказывать про свою жизнь, которая тоже, в общем-то, сложилась неплохо, и, конечно, про сына и мужа.

– Представляешь, Галка, мы с Сергеем познакомились в институте и первое свидание назначили друг другу в Питере, а когда он собрался меня провожать, оказалось, что нам обоим надо на электричку в наше Колпино! Мы ведь как переехали, так на Тверской и живем. А он жил совсем недалеко, на Красной улице. И ведь ни разу до института в Колпине не встречались!

– Значит, так у вас было на роду написано! – глубокомысленно изрекла Галка и спросила про Жениного сына: – А Игорек твой куда собирается поступать? Может, тоже в Пушкинскую академию рванет? Мои парняги довольны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.